

## Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

### Происхождение речи

*Мерцалов Андрей Викторович*

*Студент*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский*

*факультет, Москва, Россия*

*E-mail: anddo@rambler.ru*

Откуда есть пошло слово?

1. Важный этап в эволюции человека состоял в том, что он научился изготавливать орудия. В процессе их изготовления у нашего предка развивался комплекс интеллектуальных способностей. Обтесывая камень, он с необходимостью должен был иметь идеальный образ конечного продукта (развивалась способность к созданию и удерживанию таких образов), который он должен был себе наглядно представлять (развивалось воображение); у него должна была быть цель, на достижение которой была направлена его деятельность, – скажем, разделывание туши (развивалось целеполагание) [2]; etc.

2. Предки наши жили группой, стадом. Известно, что в определенное время у них появляется сложная коллективная деятельность (например, засадная охота), предполагающая разделение обязанностей и уяснение каждым членом этой деятельности своей роли. Для распределения задач каждого из членов деятельности, наши предки, лишенные инстинктов, которые могли бы им в этом способствовать (каковые имеются, например, у муравьев), были вынуждены вступать друг с другом в коммуникацию. При этом возникает потребность в речи как наиболее эффективном средстве коммуникации. Речь и появляется, поскольку все предпосылки для этого у нашего предка к тому моменту уже имелись. Произносить звуки он умел не хуже, чем это делают современные шимпанзе. Разделение целой задачи на её составные части и распределение их по ролям уже было доступно ему, развившему способности к целеполаганию и абстрагированию ещё при изготовлении каменных орудий. «Главная трудность для него заключалась не в том, чтобы научиться говорить, т.е. произносить звуки членораздельно, а в том, чтобы звук, изданный им с намерением направить другого к некоторому определенному действию, был *правильно понят* этим другим. Проблема возникновения языка – это прежде всего проблема возникновения *смысловых стереотипов слов*» [3, 47].

3. Представьте себя на месте нашего предка. Вам, например, надо сказать другому, чтобы тот шел в засаду. Привычной сигнальной системой Вы не можете воспользоваться, поскольку в ней попросту нет соответствующего сигнала. Использовать уже имеющиеся сигналы Вы тоже не можете, поскольку в таком случае Ваш соплеменник заведомо не побежит в засаду: на крик «дождь!» он побежит под дерево, и т.п. Чтобы донести до него «иди в засаду!» Вам необходимо издать какой-то другой, новый звук. И вот Вы, подобно вочеловечающемуся Шарикову, кричите: «Абыр!». Как среагирует Ваш соплеменник?

4. То, что он среагирует, не вызывает сомнений: реагирующий на всякий сигнал своего сородича, поскольку того требует его инстинкт самосохранения, он должен будет как-то среагировать и на этот раз. И вот, по Вашему крику он, преждеположим, убегает и возвращается с гарпуном. Вы, конечно, ожидали от него иного, и Ваша цель не достигнута, а потому Вам придется продолжить свои попытки, выкрикивая иные возгласы,

однако Вы уже одержали огромный успех: в следующий раз, когда Вам понадобится помощник в рыбной ловле, Вы уже будете знать, что кричать своему товарищу. Таким образом, «Абыр!» обретает *смысл* и становится *словом*.

5. Неверно думать, что смысл слову сообщает произносящий его – смысл привносится в слово именно тем, *кто его воспринимает*. Смыслом слова *для услышавшего* его является тот психический *образ* или та *мысль*, которая вызывается *у него* этим словом. *Для говорящего* же смыслом его слова становится не *намерение*, из которого он исходит, но *реакция слушателя*, объективирующая в поведении последнего вызванную словом мысль или образ, т.е. то, как понимает звук *слушатель*.

6. Возникшая таким образом речь принципиально отличается от «языка» животных. «Слово всегда ориентировано на другого субъекта и изначально является побуждением его к действию» [3, 49]. Крик, поза или мимика животного не имеет такой направленности, но суть лишь манифестация его внутреннего, чувственно-эмоционального состояния, и, как правило, вовсе не предполагает ни реакции другого существа, ни даже его наличия [3, 49]. Как выражение чувственно-эмоционального состояния, крик животного также отличается от слова тем, что последнее выражает *идеальный образ, мысль*. Есть и другие принципиальные отличия.

7. В связи с вышесказанным под новым углом зрения открываются имеющиеся проблемы и мнения. Так, например, теория именования Г.Фреге, несмотря на множество её достоинств, оказалась неадекватной по отношению к выражениям естественного языка. Камнем преткновения в данной теории выступило понятие смысла, понимаемого в качестве объективной сущности в противоположность субъективным представлениям и образам. Как было показано, смысл слов (в том числе имен) в естественном языке по природе своей субъективен, чем, в частности, можно объяснить указанное несоответствие теории Фреге. Далее, в ином свете предстают как традиционная герменевтика, пытающаяся отыскать в словах тот смысл, который вложил в них автор, так и герменевтика Хайдеггера, отдающая роль смыслополагателя самому языку [4, 272]. Как мы убедились, смысл изначально, по природе своей привносится в слово именно слушателем. Также сомнительной видится попытка Хайдеггера проследить весь ход исторического развития смысла слова в поиске его «изначального смысла» [4, 387] - очевидно, смыслополагание осуществляется слушателем каждый раз заново (поскольку каждый раз заново возникает мысль или образ, вызываемые словом), чем и объясняется сама возможность изменения смысла слов; относительная же устойчивость этих смыслов основывается на традиции их использования, т.е. на смысловых стереотипах, по природе своей условнорефлекторных, благодаря чему только и возможно понимание. Также прозрачными оказываются суть, цель и онтологический статус речи и слова. Вряд ли можно признать язык «домом бытия», в котором оно только и открывается, дано нам [4, 192]; бытие, очевидно, дано также и бессловесной кошке. Прав был Конфуций: «от языка требуется лишь чтобы он передавал мысль» [цит. по: 1]; язык, слово и есть не что иное, как средство выражения мысли. С учетом вышесказанного под новым углом зрения открываются фрейдизм, феноменология, «языковые игры» Витгенштейна и проч., анализ чего требует более подробного исследования.

## Литература

1. Бибихин В.В. Язык // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т.4. С.

507

2. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб., «Питер», 2006, стр. 65
3. Мерцалов В.Л. Логика антропогенеза (Происхождение человека ещё не завершено). СПб.: Алетейя, 2008
4. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993